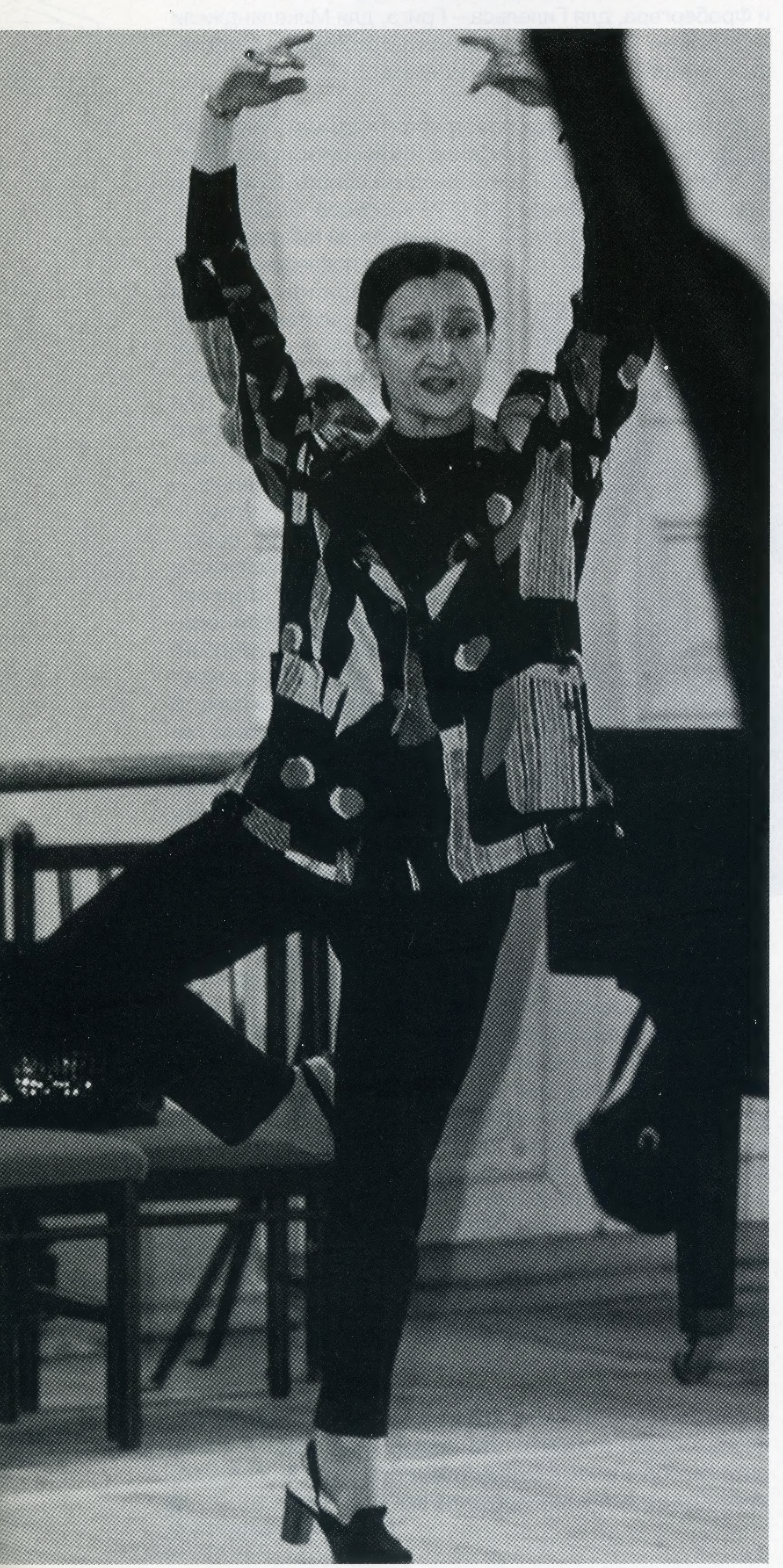
Harper's

BAZAAR

Продолжение **следует**

Людмила Ковалева – один из
в России хореографического
Преподавать она начала совсем
воспитанниц уже есть
театра Диана Вишнева и

Если перенести череду прожитых ею лет на гладь кинопленки, то переход из театра в училище, превращение ученицы в учителя станет границей, разделившей жизнь Ковалевой на две части. Вступлением к этой несуществующей картине вполне может послужить история Российской школы танцев, открытой в соответствии с указом императрицы Анны Иоановны в Петербурге в мае 1738 года. Шесть мальчиков и столько же девочек по инициативе придворного балетмейстера француза Жан-Батиста Ланде стали тогда обучаться "иноземной поступи" у иностранных мастеров.

Хотя... лучше не смешивать сюжеты. История Людмилы Ковалевой и без того перенасыщенна. В ней нет недостатка действующих лиц. Родители и дети, учителя и ученики борются за право участия в эпизодах праздников и вносят коррективы в кадры будней. Кто-то выходит на первый план, кто-то теряется в массовке. Неизменным центральным вот уже более тридцати лет остается место лишь одного человека – мужа, профессионального сценариста и режиссера Виктора Соколова. Столь вольный пассаж в сторону супруга извиняет то, что сама Ковалева давно уже вышла за рамки жанра, нарушила чистоту лирических интонаций, привычных и даже обязательных в таком деле, как балет. Имея прекрасные данные, она подошла к финалу артистической карьеры, так и не став ведущей в театре. После тридцати родила четверых детей. Несмотря на природную несобранность и безалаберность, за десять лет работы в Академии им. А.Я.Вагановой стала педагогом, которого сегодня называют "сильнейшим" и ставят в один ряд с Наталией Дудинской, Еленой Евтеевой, Инной Зубковской, Эльвирой Кокориной.

Старшая дочь Алиса как-то после изнурительного занятия назвала ее "великий инквизитор", тут же добавив: "в Академии". Что существенно. Дома Ковалева – прежняя. Немного легкомысленная, общительная, смешливая и совершенно непригодная для решения бытовых проблем. Даже незначительных. Краску для волос доверяет купить дочерям (они больше понимают), со всеми вплоть до случайного гостя советуется, в чем предстать перед объективом фотоаппарата (а лучше бы съемки не было вовсе), легко попадается на удочку знакомых ("возьмите на месяц нашу собачку"). В итоге – несостоявшаяся колли, "желанная" Дезире, в просторечии именуемая Дусей, уже два года живет в квартире Ковалевых-Соколовых на Моховой.

МИХАИЛ ЛОГВИНОВ

ведущих педагогов старейшего

училища, ныне Академии имени Вагановой.

недавно. **Но среди лучших ее**

признанные звезды – солистки Мариинского

Софья Гумирова.

На уроке у Ковалевой и голос громче, и взгляд жестче. В домашней декорации, в длиннотах коридора и просторах комнат, перегруженных, как все старые питерские жилища, вещами, она теряется. Силуэт миниатюрной, немного усталой женщины легко выдает маленькую девочку, жившую с родителями в Сланцах и мечтавшую стать акробаткой. Ни одного кульбита под куполом цирка она так и не сделала. Семья переехала в Ленинград, и девятилетнюю Люду отдали в хореографическое. Каскады, шпагаты, кувырки остались за стенами дома на улице Росси. И она заскучала. Влюблялась в профессию постепенно. Сначала в классе Надежды Базаровой, потом – Наталии Комковой. Первая впоследствии уговорила Константина Сергеева, ректора Вагановского, взять непутевую Ковалеву на преподавательскую работу. Вторая заложила материнское отношение к ученикам, которое, несмотря на резкие замечания и окрики ("дура" – это нормально), чувствуется во всем. "Они – мои сподвижники, – говорит Ковалева о подопечных. – Их любишь. Каждую. Быть может, потому, что перекладываешь на них несбывшиеся надежды. Они как воплощение того, что не получилось". А не получилось многое.

Закончила училище хорошо. На выпускном танцевала Черного Лебедя и фрагмент "Шопенианы". Сразу приняли в труппу Мариинского, тогда Кировского театра. Исполняла в основном партии второго плана. Были, правда, Катерина в "Каменном цветке", Мария в "Бахчисарайском фонтане", но дальше не шло. "Я жизни не видела, жила как в изоляции, в реальный мир не выбиралась, – как будто оправдывается она сейчас. – Считали ленивая, не хочу ничего. А я просто боялась. Мне казалось, не имею права танцевать. Казалось, балерины – особенные люди, а я себя к таким не причисляла. И потом, – добавляет она с грустью, – думала, впереди длинный путь, времени много, поезд будет долго идти, а он в момент очутился на последней станции".

Насчет "последней станции" Ковалева, конечно, погорячилась. А вот "жизнь в изоляции" – это в точку. Заложники детских грез и родительских зачастую ничем не подкрепленных фантазий, сотни мальчиков и девочек каждый год в июне и августе проходят отбор, борются за право восемь лет изо дня в день часами стоять у станка, выслушивать бесконечное "спина, носок, пятка, голова", изредка получать похвалы. Из единиц, преодолевших планку поступления, до финала доходят менее половины. Травмы, усталость, боль становятся делом обыденным. Они привыкают до слез ненавидеть и так же до слез любить своего идола – балет. Большей части из них уготована незвездная судьба, но, даже зная это, обращенные в веру танца боятся быть отлученными. Одно из следствий такой жизни – позднее взросление.

До сих пор на историю знакомства Ковалева и муж смотрят с разных полюсов. Соколов признается, что, увидев очаровательную танцовщицу в "Дон Кихоте", сразу решил, что эта "повелительница дриад" будет его женой, и начал действовать. На Первое мая через знакомых пригласил ее в дом пианиста Павла Серебрякова, где жил во время съемок дипломной работы. В праздничный вечер в кругу актеров, музыкантов, режиссеров грубил более удачливому, как ему казалось, сопернику. Своего добился – пошел провожать.

Ковалева не помнит подробностей первой встречи, тем более какого-то соперника. Она охотнее вспоминает проводы на гастроли в Париж, которые вполне могли стать последними. Виктор проспал, вместе с другом прибежал в аэропорт незадолго до регистрации рейса. Свой небритый вид молодые люди (вторым был Иннокентий Смоктуновский) приукрасили поеданием семечек, шелуху от которых то ли от зажима и волнения, то ли из чувства протеста обильно разбрасывали вокруг себя. Труппа была в ужасе. Подруги недоумевали. Едва успев прилететь во Францию, Ковалева получила письмо от Комковой, где рефреном шло: "Остановись". Она не вняла совету.

Союз с режиссером мог стать дверью в новую жизнь – кино. Ковалева не отважи-

Встречу с Дианой Вишневой, **ставшей не только подругой дочери,** но и родным человеком, крестницей, Ковалева отказывается оставить в графе случайностей **и возводит в ранг судьбы.**

лась ее открыть. А шанс был. Во время съемок фильма "Когда разводят мосты" занятую в картине Людмилу Савельеву выкрал Сергей Бондарчук, увидевший в ней Наташу Ростову. Соколову пришлось срочно вводить жену. Она, будучи верна себе, долго не соглашалась. К уговорам подключился директор картины. В чем было дело, что за сюжет – Ковалева сейчас не помнит. К кому – к герою или к его другу питала теплые чувства ее героиня, балерина, – не знает. Главное – после множества перипетий возлюбленный понимал, какой прекрасный человек любящая его девушка, и возвращался к ней. Хотя в практически бессловесной особе угадать высокую душу было сложно. Ковалева так ничего и не сыграла – не решилась.

Двойняшки Анна и Мария в этом прямое продолжение матери. Нет уверенности – не пробуют. Алиса – другая, больше похожа на Виктора. Сколько ни бей, будет говорить, что лучшая, даже если так не считает. В детстве собиралась стать переводчиком, бредила приключениями в стране индейцев, добросовестно учила слова на далеком канайском языке, но и в училище, куда не рвалась, адаптировалась. Шла в группе сильнейших. В год выпуска получила серебро на Конкурсе имени Вагановой, хотя ей было тяжелее остальных: отчасти потому, что попала в класс к маме, отчасти оттого, что рядом была победно выступающая Диана – первая из звездных учениц Ковалевой.

Встречу с Вишневой, ставшей не только подругой дочери, но и родным человеком, крестницей, Ковалева отказывается оставить в графе случайностей и возводит в ранг судьбы. Много лет назад, на отдыхе у моря, дочери подружились с такими же, как они, отпускниками. Лето подошло к концу. Разъехались, обменявшись, как принято, адресами. Через год Ковалева, как все педагоги училища, во время приемных экзаменов должна была отсидеть определенное количество часов в комиссии. В единственный выпавший на ее долю день работы привели девочку – милую, но совсем непригодную к учебе. Сколько ни крутили – ничего. Ковалеву девочка заинтересовала: хорошее лицо, умные глаза. Она стала уговаривать взять малышку "условно", пусть попробует. Вскоре позвонила неизвестная женщина и попросила посмотреть ее дочь Диану. Ссылалась на уже забытую Ковалевой случайную знакомую с юга. Когда женщина пришла, Ковалева узнала в ее дочери недавнюю абитуриентку. Еще раз повертела ребенка и без всякого энтузиазма посоветовала заниматься физкультурой, растягиваться. На следующее лето маленькая Диана, которая твердо сказала себе: "Я поступлю", выполнила обещание. А спустя три года оказалась в классе своего первого судьи. Исходя из данных, поначалу никто не мог предположить, что Вишнева сделает подобный скачок. Ковалева все объясняет лаконично – характер: "Диана такой человек, где угодно овладела бы профессией и была бы в числе лучших. Балет – значит, балет. Была бы математика – выделялась бы там. Она благодатный материал – у нее ум, образность – и благодарный – восприимчива, чувствует, умеет учиться".

С сентября у Ковалевой десять новых учениц. Шестой год обучения в Академии, первый курс училища. Две-три выделяются. Как принято, во время занятий они стоят у станка в центре, но как пойдет дальше, сложно сказать. Многое еще может перемениться. Последние годы – переломные. И Ковалева боится загадывать. Пока пытается вытащить слабых, уделяет им больше внимания, объясняя это просто: "Им физически трудно. Им необходимо слышать мои замечания. Сильные – это другое, они должны сами думать, что-то пробовать; если им постоянно делать замечания, они потеряют свое видение". Переубедить ее сложно. "Говорят, на трудностях растешь, – развивает она свою теорию, – а я думаю напротив – набираешь, когда успех, потому что надо удержаться на высоте. Когда забит, сложнее выкарабкаться. Неудачи делают стойкими, но не более того". Наверное, говоря это, Ковалева вспоминает себя. И вновь в фантазиях проигрывает то, что не станцевала.

Однажды, еще до рождения первой дочери, незнакомая женщина по линиям руки посулила ей четверых детей. Ковалева посмеялась. Слишком неправдоподобным показалось предсказание. Не тот возраст, не те силы... Сбылось. Сейчас говорят о рождении педагога Ковалевой, но она сама, судя по силе заверений, скорее напоминающих самогипноз – "я поняла, что я такое, что я что-то хочу и могу", – кажется, пока не очень верит в это. Она еще не привыкла к положению солистки – только начала разучивать новую партию. ■

Александра Колонистова